

На крыше завывал яростный ветер. Стоило Кэндзяку подняться, как резкий порыв сорвал капюшон с его плаща. Щурясь и прикрывая лицо рукой, он посмотрел на юношу, сидевшего на ограждении.

— И зачем торчать в таком месте? — полушутя, полуворчливо протянул Кэндзяку. — Ты ведь терпеть не можешь холод.

Ветер трепал одежду парня с такой силой, словно тот в любой момент мог сорваться и взлететь.

— Ну и как всё прошло? — проигнорировав его слова, холодно спросил юноша. Его волновало только дело.

Кэндзяку неторопливо подошёл ближе, облокотился спиной о перила и закинул голову, глядя в чёрное ночное небо.

— Всё строго по плану. Он угодил под проклятие змееподобного духа и обратился в довольно симпатичную змею. Ха, знаешь, а ведь тебе такой облик тоже пришёлся бы к лицу.

— Ближе к делу, — нахмурился беловолосый Харе, нетерпеливо доедая половинку клубничного рисового пирожного.

— Какая нетерпимость... — тихо пробормотал Кэндзяку и вернулся к теме: — Я передал ему твои слова. Но ты уверен, что он поверит?

— Поверит. Этот парень наивен до глупости.

— Хм-м... — Кэндзяку усмехнулся, не став спорить. Он развернулся, оперся руками о перекладину и заглянул Харе через плечо. — Что это у тебя? А-а, клубничное рисовое пирожное...

Сами по себе эти приторные сладости его мало интересовали. Но в глазах Кэндзяку вспыхнул насмешливый огонёк, и он с привычной ехидной интонацией добавил:

— Слышал я, что наследник клана Годжо — знатный сладкоежка. Уж не соскучился ли ты по мамочке с папочкой, а, малыш Харе?

Он словно питал нездоровую страсть к поискам человеческих черт в этом парне, столь непохожем на обычное проклятие. Он жаждал прибрать к рукам его тело, но не меньше хотел препарировать его разум, находя в этом извращённое удовольствие.

Для Кэндзяку взаимосвязь души и плоти всегда была величайшей загадкой, но Харе видел в нём лишь беспардонного сумасшедшего.

Ноги юноши, до этого расслабленно покачивавшиеся в воздухе, замерли. Хорошее настроение улетучилось без следа. Ветер трепал его белые волосы. Харе слегка повернул голову, полоснув Кэндзяку ледяным взглядом синих глаз. В его голосе зазвучало глухое раздражение:

— Просто восполняю сахар. И я предупреждал: не смей меня так называть.

"Но ты ведь такой милашка, когда злишься."

На его лице расплылась дружелюбная улыбка, и он потянулся к сладостям:

— Тогда поделись...

Харе резко отодвинул коробку и выдавил сквозь зубы:

— Пошёл вон.

Кэндзяку на миг опешил, но тут же снова расплылся в улыбке:

— Ну что за грубость? Я, между прочим, ради тебя ноги бил. Если уж прикоснуться к тебе нельзя, мог бы хоть угостить в награду.

Кэндзяку заговорил жалобным, почти канючащим тоном. Харе, теряя остатки терпения и желая поскорее избавиться от навязчивого гостя, вытащил из кармана смятые купюры и сунул ему в руку:

— Купи себе сам. И проваливай.

Кэндзяку опустил взгляд на деньги и с улыбкой пожал плечами:

— Ну ладно, ладно. Постарайся лечь пораньше. Твоё тело однажды перейдёт ко мне, так что потрудись проявить о нём хоть немного заботы.

Каждую их встречу этот человек заводил одну и ту же волынку, и Харе давно уже перестал отвечать на подобные реплики.

По его мнению, существо, от которого остался лишь паразитирующий мозг, было просто жалко.

Впрочем, в этом мире многие жили жалкой жизнью. В особенности — маги.

Шаги за спиной наконец затихли. Юноша бросил взгляд на коробку в своих руках. Там оставалось ещё два круглых, пухлых клубничных рисовых пирожных.

Уложенные бок о бок под тонкой прозрачной пленкой, они выглядели до нелепого мило — прямо как папа с мамой.

Несколько часов назад он издалека наблюдал, как его здешние родители стояли в очереди перед кондитерской. Два высоких, стройных силуэта резко выделялись на фоне толпы. На его отца то и дело косились прохожие — кто-то даже принял их за знаменитостей на съёмках шоу и начал фотографировать на телефоны. А эти двое, не замечая ничего вокруг, просто стояли рядом и увлечённо переговаривались.

Весь мир для них сужался друг до друга, и никто посторонний не мог разрушить эту хрупкую гармонию.

Беловолосый Харе перевёл взгляд на улицу вниз. Лавка, где продавались клубничные рисовые пирожные, уже закрылась. Стоило ему вспомнить тех двоих, как черты лица невольно смягчились, но тут же в голове всплыли язвительные расспросы Кэндзяку. Юноша нахмурился.

"Нет."

Юноша ожесточённо отмахнулся от этих мыслей.

"Я вовсе не соскучился! Человеческие глупые чувства... мне они больше не нужны. Я купил эти сладости не из-за них!"

Словно пытаясь внушить это самому себе, Харе стёр с лица едва проступившую тёплую улыбку. Во взгляде его вновь поселилась привычная мрачная злоба.

Он грубо разорвал обёртку оставшихся клубничных рисовых пирожных и в два укуса проглотил их один за другим. На лице его отразилось отвращение.

— Какая гадость... — пробормотал он, кривясь.

А ведь совсем недавно они казались такими сладкими.

Он выбросил пустую коробку. Сидя в полном одиночестве на холодном краю крыши, Харе тихо, с бесконечной усталостью вздохнул. Когда же всё это наконец закончится?..

Когда небо на востоке подёрнулось рассветной белизной, Харе, просидевший в целебном горячем источнике всю ночь, наконец пришёл в себя.

Выбравшись из воды, он вернулся в гостевой домик, насухо вытер короткие чёрные волосы, переделался в свою одежду, собрал вещи и покинул рёкан.

Всю ночь... Смороженный жаром, он в какой-то момент просто уснул, уткнувшись лицом в деревянный бортик купели. Проснувшись на рассвете, Харе всерьёз испугался, что его кожа размякнет и сойдёт слоями, но, к его удивлению, тело ничуть не пострадало.

Настоящей проблемой оказалось то, что телефон полностью разрядился. Он так и не дочитал сообщения от учителя Яги в общем чате. Кто знает, что тот написал дальше? Хотя бы это не было требование накатать очередную объяснительную — от этих бумажек вешаться хотелось.

Полный тревожных предчувствий, Харе двинулся обратно в Техническую школу магии. У подножия холма, на развилке лесной тропы, он наткнулся на пожилую чету из соседнего дома — старички прогуливались, трогательно держась за руки. Как прилежный юноша, Харе вежливо поклонился им и поздоровался.

Старички остолбенели на месте, уставившись на него округлившимися от ужаса глазами. Разве это не тот самый сумасшедший мальчишка, который среди бела дня под их окнами искромсал себя ножом до полусмерти? Он что, выжил?! Или они видят призрака при свете дня?

"Я и сегодня веду себя безупречно. Никакого позора на имя клана Годжо!"

Подножие горы Мусиро

Техническая школа магии занимала огромную территорию у подножия горы Мусиро. Её парадные ворота искусно маскировались под старинный храм, поэтому подъём по каменным ступеням сквозь вереницу алых тории ранним утром рождал ощущение паломничества.

В кронах вековых деревьев изредка перекликались птицы; их отрывистые голоса разносились эхом, лишь подчёркивая глубокую лесную тишину.

Шаг за шагом Харе поднимался по бесконечной лестнице, и необъяснимая тревога, терзавшая его по пути, постепенно угасала. словно он возвращался туда, где его действительно ждали. Юноша шумно выдохнул скопившееся напряжение.

Пускай его связь со Злым началом оставалась запутанной и пугающей, здесь он знал твёрдо: впереди, за этими стенами, его родители.

И одна только эта мысль дарила ему абсолютный покой.

Окончательно успокоившись, он завернул в коридор жилого корпуса и нос к носу столкнулся с выходящим из комнаты Сугуру Гето. Тот прищурил свои и без того узкие глаза и тепло улыбнулся:

— А, всё-таки ты. Услышал шаги и сразу подумал, что ты вернулся.

Гето облокотился о косяк, попутно окинув Харе внимательным взглядом, чтобы проверить, нет ли на нём ран. Убедившись, что всё в порядке, он спросил:

— Завтракал уже? Я как раз собирался что-нибудь приготовить. Присоединишься?

Слово "вернулся" заставило глаза Харе предательски заблестеть. Ему отчаянно, до щеколки в горле, захотелось ответить "мама, я дома!", но он вовремя прикусил язык. Юноша послушно замер у двери и закивал с такой силой, словно у него могла отвалиться голова:

— Да! Да, с удовольствием!

Его щёки вспыхнули румянцем, а глаза сияли от восторга. В груди словно разорвался ворох праздничных салютов — ведь ему наконец-то доведётся попробовать стряпню мамы! До перемещения в этот мир он мог лишь грезить об этом, а теперь его мечта становилась реальностью.

— Сугуру-у-у~ Я хочу тосты! И побольше, побольше мёда сверху! — из соседней двери высунулся Сатору Годжо, капризно протянув гласные.

Его сонный голос звучал до невозможного сладко и липко, с хрипылыми нотками. Взъерошенные после сна белые волосы топорщились во все стороны, превращая его в забавного пушистого котёнка. Голубые глаза были полуприкрыты от дремоты, но даже в таком растрёпанном виде он оставался безукоризненно красивым.

Заметив стоящего у порога Харе, Сатору прищурился в улыбке и сонно помахал рукой:

— О, Харе! Утречко-о~

— Доброе утро, Годжо-сан! — бодро отозвался Харе, хотя про себя радостно завопил:

"Папа Годжо, с добрым утром!"

— Сатору, вчера ты клятвенно уверял меня, что хочешь сэндвичи с томатным соусом, — вздохнул Сугуру. Ещё вчера эта кислая затея показалась ему сомнительной, и, разумеется, с утра вкусы капризного друга переменились.

— Да ну? Разве? — Годжо полностью вышел из комнаты и тут же бесцеремонно повис на плече Сугуру, словно огромная ленивая коала. — Великий Сатору такого не помнит, значит, ничего не было!

Харе едва сдерживал счастливую улыбку, умилённо наблюдая за этой сценой.

В этот момент дверь в самом конце коридора распахнулась. Оттуда, хрустя яблоками, вальяжно выплыли Дэндзи и Пауэр. К тому моменту, как они приблизились к комнате Сугуру, Дэндзи уже умял своё яблоко целиком — даже огрызка не оставил.

Вообще-то сегодня утром он планировал сообразить завтрак сам, но поскольку обычно готовкой заправлял Аки, кулинарные навыки Дэндзи стремились к нулю. Плюнув на это дело, он просто сунул Пауэр яблоко, а сам потащил её к Сугуру в надежде разжиться бесплатной едой.

— Аки сказал, если у нас закончится жратва, идти к тебе, — без обиняков заявил Дэндзи. Вспомнив наставления Аки о приличиях, он нехотя процедил сквозь зубы: — Сэмпай.

Шедшая рядом Пауэр, усердно пережёвывая очередную порцию яблока, послушно повторила:

— Сэмпай!

Сугуру обвёл взглядом собравшуюся у его дверей компанию.

Его "группа продлённого дня" окончательно превратилась в филиал детского сада для особо трудных подростков.

Встретившись с вереницей просящих, голодных глаз, Сугуру обречённо вздохнул и посторонился, впуская всех внутрь.

Сатору в итоге получил своё: гору хрустящих тостов, щедро утопающих в густом ароматном мёде.

Харе сидел рядышком со своими родителями, уплетая завтрак и едва ли не плача от нахлынувшего счастья. Но идиллия длилась недолго. Внезапно тишину нарушил возмущённый вопль Дэндзи:

— Чего-о?! Какого хрена мы тоже должны сдавать экзамены на следующей неделе?!

Блондин, оскалив острые, как у акулы, зубы, яростно тыкал пальцем в экран мобильного. Харе вытянул шею, заглядывая в его телефон, и остолбенел:

— Что?.. Экзамены?

Приглядевшись к дате, он окончательно впал в панику:

— На следующей неделе?!

Счастье и горе в человеческой жизни всегда ходят рука об руку. Сообщение от директора Яги оказалось куда страшнее любой объяснительной.

— Ой, да ладно вам, это обычный промежуточный тест, — беззаботно отмахнулся Сатору, отправляя в рот очередной сладкий тост. Ему-то было плевать на любые проверки — гении вроде него щёлкали их как орехи.

— И правда, ничего сложного, — с мягкой улыбкой подтвердил Сугуру.

Пауэр, молниеносно прикончив свою порцию, с помощью магии крови соорудила себе бутафорские очки в толстой оправе. Водрузив их на нос, она закинула руки за голову и высокомерно усмехнулась:

— Ха! Экзамены? Слыхали мы про такое! Дэндзи, похоже, пришло время активировать наш режим сверхинтеллектуальной супер-битвы!

— Точно! Чуть не забыл про этот козырь! Подумаешь, какая-то контрольная, плёвое дело! — Дэндзи поймал брошенные ему Пауэр "очки" из затвердевшей крови, нацепил их и мгновенно преисполнился пафосом, поправляя воображаемый галстук, словно заправский бизнес-аналитик.

Харе ошарашенно переводил взгляд с одного на другую:

— Так вы... гении учёбы?!

Хотя, честно говоря, название их "супер-режима" не внушало ни малейшего доверия.

Уверовав в собственное величие, Дэндзи и Пауэр разразились безумным хохотом:

— Ха-ха-ха! Сразись с нами, Экзаменационный Демон!

"Обалдеть..."

Он посмотрел налево, где двое безумцев корчили из себя великих академиков, затем направо, где его настоящие родители со спокойными улыбками источали ауру прирождённых отличников. И тут до него медленно дошло.

Погодите-ка... Неужели во всей этой комнате... он единственный круглый дурак?!

<http://bllate.org/book/19043/1985558>